

Алексей Поляринов "Риф" (отрывок)

Ли

Их привезли в полдень и оставили в пустыне. Вокруг — неровный шов горизонта, видны только хижина и лопасти ветряной мельницы вдали. В 1977 году художник Уолтер де Мария установил здесь, в Нью-Мексико, «Поле молний» — четыреста громоотводов из нержавеющей стали на территории длиной в одну милю и шириной в один километр.

Ли взяла с собой диктофон, фотоаппарат, тетрадку и карандаш — ехала собирать материал для исследования, — но за все время поездки не написала ни слова.

Сотрудник фонда Dia Art Foundation привез ее и еще пять человек в микроавтобусе, вручил ключи от хижины и укатил обратно, в Квемадо, предупредив, что вернется завтра в то же время. Это одно из условий — ты не можешь просто увидеть скульптуру, ты должен провести с ней сутки, так решил автор. Изоляция — одна из основ ленд-арта, весь смысл в том, чтобы взаимодействовать с произведением искусства на протяжении длительного времени, желательно в одиночестве. Очень похоже на чтение книги.

Попав на «Поле молний», турист сначала неизбежно испытывает разочарование — он полтора часа едет в пустыню, чтобы что? Чтобы увидеть вбитые в грунт двадцатифутовые столбы из нержавеющей стали. Но штука в том, что так и задумано — искусство минимализма стремится к невидимости, оно работает не только с материалами, но и с вниманием зрителя.

Тем более это ведь не просто столбы. Это громоотводы. Расставленные в строгом порядке в соответствии с замыслом автора — 25x16, миля на километр, де Мария специально столкнул две измерительные системы; свое искусство он собирает из отрезков — пространственных и временных.

В том же 1977 году он создал еще одну свою программную скульптуру — «Вертикальный километр земли»: в немецком городе Кассель на площади перед музеем Фридрицианум специальная команда в течение месяца бурила землю; затем в отверстие вбили составной латунный «гвоздь» длиной ровно в один километр. Подвох в том, что увидеть скульптуру невозможно — она целиком под землей; на поверхности — только круглый пятак диаметром два дюйма. Чтобы оценить замысел автора, зрителю необходимо совершить над собой усилие — победить сомнение, поверить в то, что там, под землей, действительно километровый латунный «гвоздь». А дальше возникает целая куча сопутствующих вопросов: возможно ли вообще представить себе километр? А также: километр — это сколько? Автор испытывает воображение и веру зрителя на прочность.

Солнце медленно уходило к западу, громоотводы отбрасывали тени — длинные, тонкие и синхронные, похожие на сотни солнечных часов.

И тут — что-то стало меняться. Подул сильный ветер, и столбы завибрировали, воздух наполнился гулом. У Ли во рту в верхней пятерке заняла пломба.

— Вы тоже чувствуете? — спросила она, но остальные туристы уже разбрелись кто куда по полю и были слишком далеко. — У меня пломба в зубе гудит, — сказала Ли самой себе.

Начался закат — оранжевый, красный, — и стержни стали отливать золотом.

Ли много читала о том, какие странные штуки иногда здесь происходят — при приближении грозы на концах стержней появляются «огни святого Эльма» — разряды коронного электричества, кисточки тока, и воздух потрескивает от напряжения. Скульптурная композиция буквально притягивает грозу.

Она уже год писала диссертацию о де Марии и знала, что вера и ритуал — очень важные элементы его искусства, но до сегодняшнего дня не понимала насколько. Ее бил озноб, в груди появилось тянущее ощущение. Она услышала раскаты грома вдали и огляделась — но в небе не было ни облачка. Звуки грозы приближались, и Ли стало тревожно, во рту

появился металлический привкус; у нее затряслись руки, она хотела позвать на помощь, открыла рот и не смогла произнести ни слова. Последнее, что она помнила, — вспышки света, похожие на шаровые молнии...

* * *

Детство Ли прошло в крошечном городке Шаллотт, штат Северная Каролина, рядом с национальным парком «Шаллотт ривер свомп», в котором ее мама, ихтиолог по образованию, уже много лет следила за популяцией аллигаторов. Профессия, прямо скажем, весьма экзотическая, из-за чего в школе у Ли бывали проблемы — ее истории о маме звучали так, словно она их выдумывает, чтобы произвести впечатление. Однажды на уроке она рассказала, как зимой на кипарисовых болотах аллигаторы вмерзли лед, высунув носы над поверхностью, чтобы дышать, и до весны впали в спячку; мама каждый день устраивала обход, следила за их состоянием. Никто не верил рассказам Ли, и она обижалась — она-то знала, что говорит правду, своими глазами видела торчащие из льда носы и зубы рептилий. Ли очень любила наблюдать за мамой на работе и в раннем детстве даже выпросила себе куртку смотрятеля, ярко-зеленую, с красным логотипом парка на спине; куртка была ей велика и доходила до колен, а рукава приходилось закатывать, но она все равно гордо ходила в ней и до пятнадцати лет была уверена, что тоже станет ихтиологом.

В парке среди коллег мать была звездой, Ли часто слышала рассказы о ее храбрости, например о том, как однажды она спасла жизнь туристу, который вылез за пределы «разрешенной тропы», чтобы сделать эффектный снимок, и не заметил в мутной воде аллигатора; аллигатор меж тем вполне заметил туриста и рванул в его сторону да и утащил бы в болото, если бы не мать Ли, которая — если верить свидетелям, — возникла у него на пути и, раскинув руки, охрипшим голосом заорала: «А ну п-шел вон, поганец!» — словно обращалась к псу, затем указала пальцем на болото: «Вон, я сказала!» — и огромная рептилия как-то медленно и обиженно развернулась и скрылась в воде.

Таких историй Ли слышала достаточно, и потому ей всегда было странно наблюдать за мамой дома. В быту, без формы и жетона сотрудницы национального парка мама как будто перевоплощалась в другого человека — сентиментального, нервного и беспомощного. Она могла расстроиться из-за ерунды — например, если случайно сжигала тосты, пытаясь приготовить завтрак. Еще она очень любила романы «про любовь», ну, те — в ужасных ярких обложках, на которых мужчины в порванных рубашках целуют в шею загорелых и полуодетых женщин; почти каждый день мама брала один в местной библиотеке и читала взахлеб и часто с удовольствием плакала над ними.

Неискушенность матери поражала Ли с самого детства. Она не понимала, как в одном человеке могут ужиться два таких разных характера: сосредоточенный и бесстрашный ученый-ихтиолог и рыдающая над бульварными романами простушка. Плюс еще эта ее привычка — по-детски радоваться мелочам и восхищаться всякой ерундой:

— Господи, как же вкусно! Ты только попробуй!

— Мам, это просто тост.

— Да, но именно сейчас он особенно вкусный.

Однажды в школе учитель дал детям задание нарисовать генеалогическое древо своей семьи. Так Ли выяснила, что мама — дочь мигрантов. Точнее, нет, не так — она, конечно же, знала, что девичья фамилия мамы «Горбунова», но никогда раньше об этом не задумывалась. А теперь выяснила, что ее бабушка, Ева Борисовна Горбунова, за свою жизнь умудрилась эмигрировать дважды: сначала из послереволюционной России в Германию — ей было три, и, как гласит семейная легенда, ее родителям пришлось спрятать ее в чемодане, чтобы втащить на борт парохода; затем в 1936-м уже с мужем Ева Борисовна сбежала во Францию, а потом как-то все же перебралась в США. О бабушке мама

рассказывала с удовольствием — особенно о том, как в 1918 году ее, трехлетнюю, засунули в чемодан и контрабандой пронесли на пароход, — а о себе говорила неохотно: первые годы в Америке были нерадостные — сначала жили в пригороде Нью-Йорка, где тараканы были размером с крыс, крысы размером с кошек, а кошек не было вовсе, потому что крысы их съели; затем бабушке предложили работу в национальном парке, и они с мужем и дочерью — будущей мамой Ли — переехали в Северную Каролину. Жили бедно и как-то не очень весело, страсть к биологии ей опять же привила бабушка, которая еще в Германии, кажется, работала в зоопарке, а еще, когда ей было три, родители затолкали ее в чемодан и протащили на борт парохода...